

Плюснин Ю. М.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ: ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ ИЛИ ПРИЗНАКИ КРИЗИСА НАУКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ?

“...социологам надлежит более пристально изучать те способы, посредством которых ... изменения в социальном контексте воздействуют на формирование и принятие научных утверждений”.

М. Малкей ([1], с. 207)

Мой доклад посвящен обоснованию следующего тезиса: в настоящее время в развитии научного познания идёт процесс формирования *социально-ориентированной эпистемологии*. В определённых отношениях тезис этот не нов (см., напр.: [1, 2, 3]), но в то же время требует более пристального рассмотрения с самых разных точек зрения. Причина не только в том, что этот процесс фиксирует далеко зашедший кризис эпистемологии естествознания, но и та, что наша наука не нашла нового единственного выхода и стоит на перепутье, где все выходы – пока ещё тупики. Процесс формирования социально-ориентированной эпистемологии естествознания представлен тремя компонентами, состоит как бы из трёх взаимосвязанных потоков. Весьма условно эти потоки можно назвать (1) реформацией теории научного познания, (2) контрреформацией и (3) новым направлением, появлением элементов новой эпистемологии. Схематическое рассмотрение их и составляет мою задачу.

1. Процесс реформации. В каких бы понятиях ни описывали методологи и гносеологи развитие науки Нового времени, как бы ни периодизировали этот процесс ([2, 4, 5]), “массовый” учёный, учёный-гелертер работает в науке иначе, а именно в традициях классической науки. Девять из десяти исследователей в любой области естествознания ничего не знают и не ведают о неклассической и постнеклассической науке. Это утверждение даже не требует серьёзных доказательств. Достаточно обратиться к современным школьным или вузовским учебникам, а ещё лучше (поскольку большинство активных учёных учебники уже забыли) – к совокупности формальных и содержательных требований ведущих научных журналов к рукописям статей.

Отчего же классическая наука столь безраздельно доминирует? Моё глубокое убеждение, что причина здесь – в ясности и простоте принципов классической теории научного знания (причём независимо от того, знаком ли с формулировкой и обоснованием этих принципов стандартный учёный). Принцип *универсализма* (связываемый нами с именем Декарта [6]), принцип *индуктивизма* (связываемый, как ни покажется странным, прежде всего с именем Паскаля; см., напр. [7]), принцип *редукционизма* (связываемый с именем Ф. Бэкона [4]) образуют стройную триаду основания теории научного знания, настолько прочную, что она, может быть,

явилась немаловажным фактором институционализации науки, превращения этого рода деятельности в профессию, признанную обществом (см.: [8]).

Однако эти столь привлекательные ясность и простота имеют и свои оборотные стороны. Отказ Декарта от интеллектуальной интуиции в пользу только рациональности (это утверждение расходится с позицией П.В. Копнина [9, с. 185]) задал условия для развития в последующем кризиса. Этот кризис формировался как процесс *реформации* эпистемологии науки и имел несколько видов. Укажу на два наиболее известных и вызвавших широкие отклики и далеко за пределами естествознания.

Именно ко времени институционализации естествознания в начале XIX в. – на вершине успеха и славы – и проявились наиболее серьёзные признаки эпистемологического кризиса. Прежде всего это, конечно, натурфилософские воззрения Гёте и его программная установка на возврат к интуиции как исходному принципу и условию научного познания (см., напр.: [10]), поддержанная позднее Бергсоном. Судя по ожесточённости дискуссий, чувствуемых в книгах конца прошлого и начала нынешнего веков, посвящённых гносеологическим проблемам, этот поток реформационного движения был очень мощен и представлял серьёзную угрозу для науки.

Другим процессом явилась программа ревизии науки и научного познания, осуществлённая Риккертом и Дильтеем [11]. Выделение наук о духе впервые за столетие после Конта поставило естествознание в жёсткие границы допустимого знания.

Раз сформировавшись, процесс реформации всё последующее время набирал и набирает силу. Это, естественно, не могло не вызвать ответные шаги.

2. Контрреформация. Как попытка спасти картезианскую модель познания, контрреформация носила и носит широкий характер и многообразна. Даже самую неклассическую науку и всю деятельность Бора следует, по большому счёту, рассматривать как охранительные шаги именно в этом направлении (напр.: [12]). Широта фронта контрреформации простирается в масштабах от деления наук на точные и неточные, приобретшего в наши дни даже этический оттенок, до формулировки и обоснования антропного принципа.

Однако необходимо обратить внимание на два более специальные и глубокие направления в процессе контрреформации. Во-первых, это эволюционная теория научного знания, с развитием которой связывают надежды на решение многих проблем естествознания (см., напр.: [4, 13]). Хотя обычно полагают, что эволюционная эпистемология сформировалась в “сознательном виде” к середине 70-х годов в результате деятельности Поппера и Д. Кэмпбелла [4, 14], это далеко не так. Ещё к концу прошлого века энергетисты и махисты начали активное движение в этом направлении (причём всё с той же опорой на Спенсера и Дарвина, что и современные эволюционные эпистемологи, начиная с К. Лоренца); более того, в начале века даже складывалось направление с аналогичным названием – эволюционная теория познания (см.: [15]). Так что эволюционная эпистемология как попытка ответа на вызов сделанный Риккертом и Дильтеем, начала свою активную и сознательную жизнь одновременно с появлением самого этого вызова.

Во-вторых, за движение контрреформации я принимаю то новое и мощное движение в естествознании, которое прочно ассоциируется с именем Пригожина и которое к

началу 80-х годов утвердилось под названием синергетики. Особенно показательны в этом отношении попытки синергистов доказать, что любые процессы, как в природе, так и в обществе, психические процессы и состояния могут быть сформулированы на одном и том же языке и выведены на основании одних принципов. Но эти принципы должны быть хотя и нелинейные, но всё таки физические. Утверждая так, я занимаю экстремистскую позицию в отношении синергетики как модели новой науки в том её рутинном выражении, которая присуща большинству адептов. Попытки И. Пригожина сформулировать на основе нелинейной динамики новые принципы научного знания представляются привлекательными и перспективными (см.: [16]). Но работа в этом направлении, начатая в начале 70-х, если и не слишком затянулась, то слишком замедлилась. Энтузиазм, испытываемый нами ещё десять лет назад, сходит на нет: продвижение медленно и результат неадекватно усилиям мал. Именно поэтому мне приходится рассматривать деятельность учёных в этом направлении по преимуществу как контрреформационную.

3. Формирование социально-ориентированной эпистемологии. Процессы реформации и контрреформации протекали, взаимно обуславливая друг друга, в течение полутора столетий, с всё большим усилением и развитием. И вот между этими двумя широкими противоположно направленными потоками возник новый ручеёк, сформировался новый процесс, постепенно набирающий силу и, как следствие этого, осознающийся всё большим и большим числом учёных.

Этот процесс сформировался во многом благодаря мировой экспансии западноевропейской по своим культурно-историческим основаниям науки. Особенно характерно это для послевоенных пятидесяти лет. На восточной, латиноамериканской и, особенно, азиатской почве западная наука даёт поросль, только внешне идентичную родительскому образу, а внутренне всё более отвечающему новой социально-культурной среде. Быть ассимилированным – обычная участь завоевателей. Западная наука определённо начинает усваивать новые формы ментальности, исходно ей чуждые. Тем самым даже первичное основание науки – универсализм – начинает ограничиваться социальными рамками конкретных “миров”. Это выразительно сумел зафиксировать уже 20 лет назад Дж. Холтон в своём “психоаналитическом” исследовании [12] глубинных, берущих начало в раннем детстве, оснований деятельности учёных-естествоиспытателей и незаметного, но определяющего влияния на характер и результаты этой деятельности социальных факторов, причём нередко факторов совершенно частного, локального характера.

В научном мире, таком, каким мы его знаем теперь, -- не только европейско-американском, но и азиатском, латиноамериканском, африканском, -- происходит процесс дифференциации нескольких моделей познания, вырастающих из единой “универсальной”. Незаметные, мелкие различия важны в том смысле, что все они – социально-детерминированные компоненты, а потому могут приобрести значение определяющих факторов. Но дифференциация протекает во взаимосвязанном мире, следовательно, первым её результатом, едва только процесс получит развитие, будет новый эпистемологический синтез. Можно думать, что основу этого синтеза будут составлять уже социально-ценностные компоненты. Аргументов в пользу описываемого сценария можно подобрать немало. Сошлюсь на один: усиление в последнее десятилетие общественного внимания к технологиям на основе данных науки, и падение на этом фоне интереса к “чистому” естествознанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983. – 254 с.
2. Научные революции в динамике культуры / В.С. Стёпин, И.Т. Фролов, В.А. Лекторский и др. – Мн.: Изд-во “Университетское”, 1987. – 384 с.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с. \ Объективное знание. Эволюционный подход. -- С. 439 – 558.
5. Научная деятельность: структура и институты. – М.: Прогресс, 1980. – 432 с.
6. Декарт Р. Рассуждения о методе. – М., 1953.
7. Ахутин А.В. Познание и экзистенция: к истории гуманитарных истоков научного познания // Проблемы гуманитарного познания. – Новосибирск, 1986. -- С. 253–275.
8. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты.– М.:Прогресс, 1980.– С. 27-55.
9. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 568 с.
10. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. – М.: Интерпракс, 1995. – 352 с.
11. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. – СПб, 1903.
12. Холтон Дж. Тематический анализ науки. – М.: Прогресс, 1981.
13. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. – М.: РОССПЭН, 1996. – 194 с.
14. Campbell D. T. Evolutionary epistemology // The philosophy of Karl Popper. – La Salle, 1984.
15. Жаков К. Ф. Основы эволюционной теории познания (лимитизм). – СПб: тов-во “Грамотность”, 1912. – 128 с.
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.